

Международное строительное право

Академическая монография

Автор: Белкин Дмитрий
Семёнович (ORCID:
[https://orcid.org/0009-0003-1532-
1958\)](https://orcid.org/0009-0003-1532-1958)

Славяно-Греко-Латинская
академия, кафедра
международного права, доцент,
Москва, Россия. E-mail:
dmitryb81@gmail.com

DOI: 10.64457/icl.ru.ch24

Нормативная интеграция международного гуманитарного права и международного строительного контрактного права в обеспечении права на жильё жертв вооружённых конфликтов

Рекомендуемая ссылка: Белкин Дмитрий Семёнович Нормативная интеграция международного гуманитарного права и международного строительного контрактного права в обеспечении права на жильё жертв вооружённых конфликтов // МЕЖДУНАРОДНОЕ СТРОИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. Москва: Славяно-Греко-Латинская Академия, 2025. DOI: 10.64457/icl.ru.ch24.

В главе анализируется взаимодействие норм международного гуманитарного права (МГП) и международного строительного контрактного права (МСКП) при обеспечении жильём жертв вооружённых конфликтов. Конвенционные и обычные источники МГП, Женевские конвенции и 161 общая норма МККК соотнесены с типовыми контрактами МФИК, подчёркивая их потенциал для гибкой

ГЛАВА 24. Нормативная интеграция международного гуманитарного права и международного строительного контрактного права в обеспечении права на жильё жертв вооружённых конфликтов — DOI: 10.64457/icl.ru.ch24

адаптации обязательств и урегулирования споров в условиях форс-мажора. На материале операций ООН, UNHCR и плавучего пирса в Газе раскрыты механизмы ускоренного строительства, баланс безопасности и скорости, а также интеграция международных стандартов с локальными нормами. Делается вывод о необходимости координации субъектов и совершенствования правовых инструментов для устойчивого восстановления инфраструктуры и эффективной защиты перемещённых лиц.

Международное публичное право в современной российской доктрине понимается как система принципов и норм, регулирующих основные формы взаимодействия государств и иных субъектов международного права и обеспечивающих юридическое оформление их прав и обязанностей во внешней сфере. в рамках этого массива норм постепенно формируется особый комплекс регулирования трансграничных строительных и инфраструктурных проектов, который в доктрине обосновывает выделение международного строительного права как относительного самостоятельного направления исследований. Оно охватывает договорные и обычные нормы, применимые к проектам в сфере энергетики, транспорта, социальной и гуманитарной инфраструктуры, включая объекты, возводимые в условиях вооружённых конфликтов и постконфликтного восстановления. Для Российской Федерации, обладающей значительным ресурсным, инженерным и научно-техническим потенциалом, участие в таких проектах требует выработки устойчивых правовых решений, согласующих международные обязательства государства с режимом защиты лиц, затронутых вооружёнными конфликтами, и стандартами надлежащего исполнения строительных контрактов.

Внутри международного строительного права особое место занимает международное строительное контрактное право (МСКП), аккумулирующее стандартизованные подходы к заключению и исполнению строительных контрактов, в том числе на основе типовых условий Международной федерации инженеров-консультантов (МФИК / FIDIC) (Клии, 2018). Когда строительные проекты реализуются в условиях вооружённых конфликтов или

в постконфликтный период, МСКП неизбежно «встраивается» в режим международного гуманитарного права (МГП). Для России, декларирующей приверженность нормам МГП и поддерживающей проекты гуманитарного восстановления за рубежом, согласованное применение МГП и МСКП позволяет одновременно защищать жертв конфликтов и сохранять предсказуемость правового режима для российских и иностранных участников строительных проектов.

Международное гуманитарное право — ключевой механизм, предназначенный для защиты жертв войн, включая гражданское население. в условиях вооружённых конфликтов люди нередко оказываются в ситуации разрушения жилья и вынужденного поиска нового места проживания. Соблюдение норм МГП приобретает особую значимость, когда речь идёт о гарантии безопасного укрытия для тех, кто страдает от последствий боевых действий. в российской доктрине подчёркивается, что ядро МГП формируют взаимодополняющие режимы «гаагского права» и «женевского права»: первое закрепляет методы ведения войны и пределы использования силы, второе концентрируется на защите лиц, выведенных из строя и не участвующих в боевых действиях (Авакьян, 2022). Принятие Дополнительных протоколов к Женевским конвенциям расширило сферы регулирования, ранее традиционно относившиеся к гаагскому праву, что снизило значимость жёсткого деления между этими блоками в современной практике.

Современные конфликты — в том числе на Ближнем Востоке — требуют не только предоставления гуманитарной помощи, но и создания чёткой правовой базы для оперативной организации строительства временного или постоянного жилья для беженцев и внутренне перемещённых лиц. Необходимость быстрого предоставления жилья и базовой инфраструктуры обуславливает разработку комплексных правовых механизмов, охватывающих как соблюдение стандартов безопасности, так и своевременное исполнение строительных контрактов. в этой связи МСКП обеспечивает инструменты для формирования договоров, способных гибко реагировать на чрезвычайные обстоятельства. Применение типовых форм контрактов МФИК предоставляет механизмы разрешения споров

и адаптации договорных обязательств при наступлении обстоятельств непреодолимой силы, включая вооружённые конфликты и стихийные бедствия (Клии, 2018). Это делает возможной реализацию проектов жилищного строительства даже в условиях кризиса и тем самым способствует защите беженцев и иных пострадавших лиц. Фундаментальный анализ статуса беженца и его международно-правовых гарантий, представленный в труде Д. С. Гудвина-Гилла, Дж. МакАдам и Э. Данлоп, подчеркивает необходимость увязки гуманитарных обязательств государств с договорными механизмами, обеспечивающими доступ к жилью и инфраструктуре (Гудвин-Гилл и др., 2021).

Настоящее исследование опирается на анализ норм МГП и особенностей их применения в контексте МСКП. Основное внимание уделено Женевским конвенциям и Дополнительным протоколам, типовым формам строительных контрактов МФИК и их интеграции в процессы восстановления разрушенного жилья и создания временных жилищ для беженцев. Рассматриваются нормативные основания правового регулирования строительных проектов в зонах вооружённых конфликтов с акцентом на правоприменение и соблюдение международных и национальных стандартов безопасности. Значимая часть аргументации опирается на практический опыт гуманитарных операций под эгидой ООН и иных международных организаций, что позволяет выявить ключевые правовые механизмы защиты жертв войн в контексте строительства и восстановления инфраструктуры, а также выработать подходы к интеграции международных обязательств в конкретные проектные решения.

Обычное международное право играет ключевую роль в обеспечении правовой защиты жертв войн, особенно когда отдельные государства не ратифицировали важнейшие международные договоры. Это особенно актуально в условиях немеждународных вооружённых конфликтов, где отсутствие юридически обязательных договорных норм порождает существенные пробелы в защите прав гражданского населения. Универсальность обычных норм частично восполняет такие пробелы. В российской доктрине обращается внимание как на «классический» круг субъектов МГП (государства, межправительственные

организации), так и на эволюцию субъектного состава за счёт появления новых акторов — вооружённых негосударственных формирований, международных организаций нового типа и др. (Кузьмин, 2022а; Кузьмин, 2022б). Государства, международные организации и иные признанные международные акторы, обладающие международной правосубъектностью, не только участвуют в правотворческих процессах, но и выступают носителями прав и обязанностей, закреплённых обычными нормами.

При этом необходимо учитывать ограничения обычного права. В отличие от договорных норм, обычные нормы не всегда имеют ясную и формализованную структуру, пригодную для прямого применения, что усложняет работу правоприменителя: содержание таких норм зачастую более абстрактно и менее детализировано по сравнению с договорными обязательствами. Учитывая неписаный характер обычного права, требуются дополнительные усилия для установления точного содержания применимых норм. На этом фоне особое значение приобретает работа Международного Комитета Красного Креста по кодификации обычных норм МГП; результаты этого проекта, как подчеркивает российская доктрина, стали важным ориентиром для практики и научного осмыслиения субъектного состава и механизмов защиты в МГП (Гулиев, 2022).

Источники МГП целесообразно рассматривать по двум взаимодополняющим категориям. к конвенционным источникам относятся международные договоры, включая Женевские конвенции, формирующие базу прав и обязанностей сторон во время вооружённых конфликтов и задающие детальные правила защиты гражданских, раненых и больных, военнопленных и иных уязвимых групп. Эти нормы служат правовым основанием восстановления разрушенной инфраструктуры, включая строительство временного жилья для беженцев при условии соблюдения требований МГП и строительных норм безопасности. Неконвенционные источники — международный обычай, общие принципы права и резолюции международных организаций — дополняют договорные положения, создавая дополнительную правовую основу для соблюдения стандартов безопасности и защиты жертв конфликтов, особенно когда требуется

оперативное развертывание проектов в условиях, требующих немедленного применения норм МГП.

К числу основных субъектов, чьи обязанности непосредственно затрагивают реализацию строительных проектов в зонах конфликтов, относятся государства, вооружённые негосударственные группы и частные лица/подрядчики. На государства возлагается ответственность за соблюдение и внедрение норм МГП, обеспечение безопасности строительных работ, защиту персонала, задействованного в восстановлении инфраструктуры, и уважение прав жертв конфликта — это критично для быстрого развертывания гуманитарных объектов в кризисах (Кузьмин, 2022а). Вооружённые группы, не подчинённые государству, также обязаны соблюдать МГП, включая правила защиты гражданского населения и инфраструктуры; международная практика всё чаще предполагает их ответственность за нарушения, угрожающие гуманитарным строительным проектам. Частные лица, в том числе гражданские подрядчики и персонал, обязаны уважать нормы МГП и международные стандарты безопасности, минимизируя риски для всех участников проектов.

В современной доктрине и практике международного права определение временных рамок действия норм международного гуманитарного права представляет собой самостоятельную сложную проблему, особенно в ситуациях, когда немежнациональный вооружённый конфликт эволюционирует и приобретает признаки международного. Тенденция к интернационализации вооружённых столкновений в сочетании с усложнением их внутреннего измерения ощутимо влияет на правовой режим и круг подлежащих применению норм. Изменение статуса конфликта ведёт к расширению объёма гарантий, предоставляемых комбатантам и гражданскому населению, что прямо отражается на порядке организации и правовом регулировании строительства жилья для беженцев в зоне боевых действий. Корректное понимание темпоральных параметров действия норм международного гуманитарного права принципиально важно для всех участников международных строительных проектов в условиях вооружённых конфликтов; неопределенность в вопросе о применимом правовом режиме способна порождать серьёзные юридические

коллизии и затруднять оказание помощи жертвам войны (Лазутин, 2022).

Человек выступает центральным элементом системы МГП и играет ключевую роль в правоприменительных процессах. к защищаемым категориям относятся комбатанты, раненые и больные, гражданские, сотрудники международных организаций, иностранцы, беженцы, внутренне перемещённые лица, апатриды, бипатриды, наёмники, разведчики и иные лица. Все они подпадают под защиту норм МГП, что особенно важно в современных конфликтах, часто затрагивающих гражданскую инфраструктуру, включая международные строительные проекты. При этом индивиду по-прежнему не присуща полная международная правосубъектность: он наделён международной правоспособностью и деликтоспособностью, обладая определёнными правами и обязанностями на международной арене, однако объём его дееспособности остаётся ограниченным в сравнении с государством. Этот баланс между защитой индивида и ответственностью государств и иных акторов дополнительно осложняет формирование условий международных строительных контрактов, требуя учитывать уязвимость жертв конфликтов и интересы инвесторов (Авакьян, 2022).

Гуманитарная повестка сохраняет исключительную значимость. Хотя в долгосрочной перспективе фиксируется тенденция к снижению уровня грубого насилия, описанная в междисциплинарных исследованиях (Пинкер, 2021), вооружённые конфликты продолжают разрушительно воздействовать на гражданскую инфраструктуру, угрожая строительным и гуманитарным проектам, необходимым для восстановления пострадавших регионов. Помимо социальных угроз, строительные проекты и гуманитарные операции сталкиваются с существенными физическими рисками, обусловленными природными и географическими факторами — землетрясениями, наводнениями, а также биологическими угрозами, включая эпидемии и пандемии. Пандемия COVID-19 наглядно показала, как биологические угрозы усложняют реализацию строительных проектов и гуманитарных операций, повышая риски для всех участников и оказывая влияние на гуманитарную безопасность целых регионов (Гласер и Новик, 2020).

В ситуациях, когда физические угрозы накладываются на угрозы, порождённые вооружёнными конфликтами, возникает необходимость в гибких и устойчивых подходах к строительству и исполнению контрактов, чтобы вовремя обеспечить необходимую инфраструктуру для защиты населения и работников. Это, в свою очередь, усиливает значение гуманитарной дипломатии и инструментов гуманитарной помощи в связке с МСКП. в российской литературе подчёркивается, что гуманитарная дипломатия как направление внешнеполитической активности находится на стыке международной безопасности, развития и прав человека и опирается на более широкий контекст «нетрадиционной безопасности» в регионах, таких как Юго-Восточная Азия (Кабальеро-Энтони, 2018). Одновременно остаётся нерешённой проблема понятийного аппарата: термин «гуманитарная дипломатия» вошёл в научный оборот сравнительно недавно, а вопросы её категоризации и разграничения с «классической» дипломатией подробно анализируются в трудах российских авторов (Ковба, 2020).

Современная гуманитарная среда характеризуется усложнением форм и каналов взаимодействия. Гуманитарные инициативы уже не ограничиваются традиционной межгосударственной дипломатией и всё чаще реализуются в многосторонних форматах с участием государств, международных организаций, неправительственных структур, частного сектора и средств массовой информации. в научной литературе подчёркивается, что гуманитарная дипломатия приобретает многоуровневый и многосторонний характер, что повышает её адаптивность к меняющимся условиям, но одновременно затрудняет выработку единых подходов к распределению ответственности и механизмов подотчётности (Кларк, 2018). в российской доктрине обращается внимание на то, что системное исследование гуманитарной дипломатии, включая практики Европейского союза по защите гражданского населения в зонах вооружённых конфликтов, позволяет увязать гуманитарные механизмы с конкретными международно-правовыми инструментами, в том числе с договорным регулированием строительства объектов инфраструктуры и социальных услуг (Громогласова, 2018).

Отдельное значение для гуманитарного измерения международного строительного права приобретают многосторонние инициативы, в которых Россия участвует как равноправный партнёр. Гуманитарное сотрудничество стран БРИКС, в том числе положения Декларации Йоханнесбургского саммита о важности устойчивого инфраструктурного развития и интеграции в постконфликтных регионах, демонстрирует стремление сформировать устойчивые модели восстановления, опирающиеся на региональные программы развития и привлечение национальных строительных и инженерных компаний. Практическая деятельность международных гуманитарных организаций, таких как «Врачи без границ» и другие крупные неправительственные структуры, показывает, что восстановление инфраструктуры в зонах конфликтов требует строгого учёта гуманитарных стандартов и требований безопасности, гарантирующих доступ к жизненно важным ресурсам для населения.

Государства также используют инструменты гуманитарной дипломатии для защиты прав жертв конфликтов, в том числе через инфраструктурные проекты по обеспечению доставки помощи в труднодоступные регионы. Опыт сооружения временных портовых и логистических объектов для распределения гуманитарных грузов иллюстрирует, что подобные решения требуют учёта как норм МГП, так и технических стандартов безопасности. Для России, имеющей опыт арктического и морского строительства, подобные проекты представляют интерес с точки зрения обмена инженерными решениями и укрепления международного имиджа страны как надёжного партнёра в сфере инфраструктурного восстановления.

Практика УВКБ ООН демонстрирует важность строгого соблюдения международных строительных стандартов при возведении временного жилья для лиц, пострадавших от войн. Разработанные подходы к обеспечению экстренного укрытия показывают тесную связь между МГП и строительными контрактами, включая необходимость учитывать местные строительные нормы, климатические условия и культурные особенности. В современных конфликтах — Сирии, Йемене и других — обеспечение временного жилья для беженцев и внутренне перемещённых лиц сопряжено со сложными

юридическими, техническими и организационными задачами. Здесь МСКП предлагает инструменты, позволяющие справляться с такими вызовами; при этом международные исследования обращают внимание на процессы «экстернализации» миграционных режимов и вынесение контроля за пределы национальной территории, что неизбежно влияет на правовой режим размещения беженцев и строительства для них инфраструктуры (Кантор и др., 2022).

Нормы, регулирующие статус и права беженцев, подчёркивают важность обеспечения их жильём как элемента минимальных гарантий достойной жизни (Гудвин-Гилл и др., 2021). Реализация этих стандартов сталкивается с множеством вызовов, включая необходимость учитывать местные строительные нормы, климат и культурное разнообразие. Типовые формы контрактов МФИК, широко используемые в международных строительных проектах, обеспечивают эффективные механизмы разрешения споров и управления строительными процессами в условиях чрезвычайных ситуаций, включая вооружённые конфликты. В российской и зарубежной литературе отмечается, что стандартизация условий позволяет гибко адаптировать обязательства сторон при форс-мажорных обстоятельствах, ускоряя развёртывание временной инфраструктуры (Клии, 2018).

Существенный вклад в понимание распределения ответственности в отношении беженцев внесён исследованиями, анализирующими международное сотрудничество и «разделение ноши» между государствами. Показано, что отсутствие системного, предсказуемого и справедливого механизма распределения ответственности ведёт к перегрузке отдельных принимающих стран и снижает эффективность защиты беженцев (Дауд и МакАдам, 2017). Для МСКП это означает необходимость учитывать не только технические параметры проектов, но и устойчивость моделей финансирования, в том числе участие международных финансовых институтов и многосторонних механизмов перераспределения затрат на строительство и эксплуатацию объектов.

В условиях, когда временные решения — палаточные лагеря, лёгкие модульные конструкции, укрытия на основе плёнки — не отвечают долгосрочным потребностям, особенно в условиях экстремального климата, возрастает значение использования более долговечных материалов и локальных строительных практик. При этом требуется учитывать ограниченный доступ к строительным ресурсам, сложные условия безопасности для работников и требования охраны окружающей среды. Использование местных материалов и традиционных технологий может не только снижать стоимость проектов, но и ускорять их реализацию, что критично для гуманитарных кризисов.

Международное строительное контрактное право, особенно стандарты и процедуры, разработанные МФИК, представляет собой надёжный инструмент управления строительными проектами в кризисных условиях. Эти механизмы могут успешно применяться для создания временного и постоянного жилья для жертв вооружённых конфликтов, что делает их элементом комплексного ответа на гуманитарные вызовы. Эффективная реализация таких проектов требует учёта особенностей каждой конфликтной зоны: наличия ресурсов, климатических и культурных факторов, а также строгого соблюдения норм МГП и национального законодательства государства пребывания. Центральной задачей становится адаптация международных стандартов к локальным условиям при сохранении высоких требований безопасности и разумности затрат.

На основе проведённого анализа можно сформулировать несколько ключевых выводов, значимых для российской доктрины международного публичного и международного строительного права. Во-первых, МСКП играет существенную роль в защите жертв вооружённых конфликтов, прежде всего в части обеспечения временного и постоянного жилья для беженцев и внутренне перемещённых лиц. Во-вторых, взаимодействие норм МГП, обычного права и договорных стандартов МФИК показывает, что правовая архитектура постконфликтного строительства должна строиться с учётом эволюции субъектного состава МГП и темпоральных особенностей действия отдельных режимов (Кузьмин, 2022а; Лазутин,

2022). В-третьих, российским юридическим науке и практикам при участии в международных инфраструктурных проектах, реализуемых в зонах конфликтов, необходимо сочетать гуманитарный подход, закреплённый в трудах отечественных авторов по гуманитарной безопасности и дипломатии (Гласер и Новик, 2020; Ковба, 2020; Громогласова, 2018), с внимательным отношением к договорным конструкциям и стандартам ответственности, выработанным в зарубежной доктрине (Клии, 2018; Дауд и МакАдам, 2017; Кантор и др., 2022). Это позволит укрепить правовую защиту пострадавших, повысить предсказуемость условий для российских участников международных строительных проектов и в целом будет способствовать реализации национальных интересов России в сфере мирного разрешения конфликтов и постконфликтного восстановления.

Примечание о публикации основных научных результатов

Научная специальность: 5.1.5. Международно-правовые науки.

Международное гуманитарное право. Проблемы квалификации современных вооруженных конфликтов. Защита жертв войны. Ограничение методов и средств ведения вооруженных конфликтов.

Основные научные результаты опубликованы в следующей рецензируемой статье: Белкин, Д. С. Защита жертв войны через призму международного строительного контрактного права: проблемы и решения / Д. С. Белкин // Advances in Law Studies. – 2024. – Т. 12, № 4. – С. 16-20. – DOI 10.29039/2409-5087-2024-12-4-16-20. – EDN IZEKMW. DOI: 10.29039/2409-5087-2024-12-4-16-20 EDN: IZEKMW eLIBRARY ID: 75998499

Ссылка на статью: <https://riorgpub.com/en/nauka/article/91953/view>

Список источников

1. Авакьян, С. А. (2022). Международное гуманитарное право. Юрист.

2. Гласер, М. А., & Новик, Н. Н. (2020). Гуманитарная безопасность в ЮВА: специфика, проблемы, подходы. Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2(47), 12–26.
3. Громогласова, Е. С. (2018). Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования.
4. Гудвин-Гилл, Д. С., МакАдам, Дж., & Данлоп, Э. (2021). Беженец в международном праве. Оксфордский университетский пресс.
5. Гулиев, Г. А. (2022). Субъекты международного гуманитарного права: современные тенденции. Юридический мир, (2), 63–70.
6. Дауд, Р., & МакАдам, Дж. (2017). Международное сотрудничество и распределение ответственности для защиты беженцев: что, зачем и как? International and Comparative Law Quarterly, 66(4), 863–892.
7. Кабальеро-Энтони, М. (2018). Переговорное управление в сфере нетрадиционной безопасности в Юго-Восточной Азии и за её пределами. Колумбия Юниверситет Пресс.
8. Кантор, Д., Лисон, В., & Менц, Г. (2022). Экстернализация, доступ к территориальному убежищу и международное право. International Journal of Refugee Law, 34(1), 120–156.
9. Кларк, М. Д. (2018). Гуманитарная многоканальная дипломатия: концептуализация определяющей, особой и критической роли дипломатической функции в гуманитарной деятельности.
10. Кли, Л. (2018). Международное строительное контрактное право. Джон Уайли энд Санс.
11. Ковба, Д. М. (2020). Гуманитарное измерение дипломатии: проблема категоризации и анализ. Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета, 20(11), 169–174.

12. Кузьмин, А. В. (2022а). Субъекты международного гуманитарного права. Юнити-Дана.
13. Кузьмин, А. В. (2022б). Новые субъекты международного гуманитарного права: проблемы и перспективы. Вестник РУДН. Серия: Юридические науки, 1, 124–133.
14. Лазутин, Л. А. (2022). Проблемы темпорального действия отдельных режимов международного гуманитарного права. *Russian Juridical Journal*, 144(3).
15. Пинкер, С. (2021). Лучшее в нас: почему насилия в мире стало меньше. Альпина Паблишер.

© 2025 Международное строительное право